

114 February

Andrey Yanikin

114 февраля. Андрей Янкин

Переходы

Мы медленно шли по тяжелым застывшим в воздухе лестницам остановившегося эскалатора. В железной тишине огромный квадратный резервуар супермаркета звенел холодным стеклом темных витрин нам вслед, показывая, что назад пути не будет никогда. Погасшие витрины, причудливо выгибая наши цветные отражения. были похожи на декорации адского зазеркалья.

Здесь не было света. Даже здесь.

Серые мутные стеклянные стены от пола до потолка.

Мы шли молча, и впервые, наверное, за всю жизнь я четко понимал, о чем говорят эти люди в рекламе «Выход есть», и, как никогда, я понимал, почему её не смотрят те, кто закрывает глаза, считает до пяти и вышибает себе мозги из старой винтовки отца.

Мы спускались вниз, и казалось, что все можно купить в этом месте. Но только не то, что заставит тебя снова, как в детстве, улыбаться небу и делать ангелов в осенней листве.

Эскалатор вел вниз, в пустоту.

Когда ты идешь по тому, что должно двигаться, давление увеличивается. Это работает моторика. Попробуйте сами ради интереса.

Меня колотило.

Я не держал Лору за руку, и она просто тащилась сзади, как одинокая дворняга. В глазах то и дело мутнело.

«Удивительные вещи – это то, что происходит, когда мир становится удивительным только для двоих».

То же самое вам скажет и Лора, если вы вдруг спросите её об этом, увидев в солнечный полдень разглядывающей листву вокруг белых плит Лунного Парка на углу Старой площади.

Вы без труда узнаете её, и она, конечно, удивленно рассмотрит вас с ног до головы, и, конечно, вы тоже заметите, как все вокруг наполнится запахом цветочного шампуня и ландыша. Вы будете слушать её истории и поймете, что такое «удивительно», а потом, подарив улыбку, с хрустом песка под ногами в кедах, она развернется и ускользнет навстречу пожилому господину в шляпе и сером пальто. Обогнав его, она уже окажется слишком далеко, чтобы услышать, как вы пожелаете ей удачного дня.

Не отвлекайте её.

У неё еще много дел.

Лучше я расскажу вам, как все началось.

Последнее небо

Мы сидели вдвоем в тихом кафе возле гавани. За окном только огни города и мусорные баки, вокруг которых валялись покрышки и картонные коробки, что создавало иллюзию, будто весь город - там, вдалеке - огорожен свалкой для безопасности. Отсюда хорошо видна самая массивная башня сити-центра, которую люди прозвали «Последнее Небо».

Крыша переливалась огнями, как исполинская новогодняя ёлка. Отсюда можно было увидеть и мерцающие эстакады мегаполиса, и портовые огни, и мигающие стрелы самолетов в темно-синем небе. Западные районы всегда почему-то светятся ярче других. Даже сейчас здесь стоял запах теплой после жаркого летнего дня крыши с привкусом пластмассы, нарушаемый порывами холодного ветра. Именно отсюда представлялся шанс увидеть последний всполох утопающего за горизонтом солнца. Именно с этой крыши хотела броситься Лора.

Это было излюбленное место отчаявшихся. Крыша была закрыта на несколько уровней замков, но все равно раз в два-три месяца кто-нибудь прыгал оттуда, украшая своим школьным фото предпоследнюю страницу городских газет. Люди, готовые на осознанное самоубийство, всегда представляют себя особенными, и поэтому выбирают подобные места. Но, проведя час в поисковиках, всегда наталкиваются на удручающую статистику того, что их креатив уже воплотила дюжина несчастных именно на этом месте. Это спасает от суицида надёжней всех федеральных программ, где твоя смерть – лишь номер закрытого дела.

Я попытался улыбнуться. Повисло неловкое молчание. Такое всегда случается, когда в душе появляется чувство, что вот сейчас нужно что-то сделать, но что, пока в голову не приходит. Лора скребла соломинкой дно стаканчика, еще наполовину наполненного белоснежным коктейлем. В ней снова было то самое "что-то", как в тот день, когда я впервые почувствовал на себе её взгляд. Мы познакомились на рейве, в то жаркое прошлогоднее лето. Теперь это лето не кончается. Нам светит солнце и воздух всегда чистый и прозрачный. Она подошла и спросила меня, знаю ли я, когда пойдет снег.

Мы ждали снег вместе.

Мы курили и целовались.

Если бы сейчас потолок кафе вдруг исчез, то, наверное, все звезды смотрели только на дно её стакана.

Мерцающий неон напоминал о том, что технологический век давно пожрал такое понятие, как "уединенность от мира". На столике рядом с моим телефоном стоял бумажный журавлик, которого только что сложила Лора.

- Ты знаешь, когда я встретила тебя, - Лора ткнула в меня соломинкой и поправила волосы, - помнишь, я сказала, что не хочу больше жить и, наверное, лишь хочу раствориться?

Я не понимал, о чем она. Наверное, в душе я себе всё так и представлял. Но не понимал всё равно.

- Я думала о жизни, – продолжала Лора, глядя в окно, которое занимало всю стену, - обо всех этих людях за окном. Когда мы вырастем, мы перестаем замечать, что теперь мы тоже просто люди за окном. Для кого-то просто люди.

- Еще хочешь чего-нибудь? - натягивая тонкий капюшон толстовки на голову, спросил я.

- Нет. Просто хочу снова умереть. Закажи мне всё, что приведет к этому. И без лимона, пожалуйста.

Лора ехидничала и почему-то всё равно оставалась милой. Наверное, это растрепанные волосы. Я искал взглядом официантку. В темном углу кафе она выглядела как впечатанная в стену фигура девушки из камня. Официантка все контролировала и, конечно, знала, что все парочки, которые забредают в эту дыру после полуночи, похожи, как серебристые крабы.

Прощенные

- Всё будет хорошо! – обратив на себя внимание, сказал я уверенно. Надпись «My York!» на груди толстовки Лоры внушала ещё большую уверенность в будущем одним лишь восклицательным знаком. Иногда это очень важно.

- Нет, не будет! – она передёрнула плечами.

- Это просто таблетки, тебе нечего волноваться.

- Я вру матери, что поступила в колледж. Мы теперь всё время ругаемся.

- Еще два дня и мы устроимся на работу. Всё же просто.

Мир построен на простоте. Просто быть ребёнком, школьником, жертвой, героем, специалистом или профаном. Будь люди чуть дотошнее, мир бы выглядел совсем не так. Пока я думал об этом, Лора делала заказ официантке. Всё, что я слышал, было где-то вдалеке, но можно было разобрать звенящий голос Лоры:

- Мне, пожалуйста, E 412, загуститель, глутамат натрия, бензол тексин, E 220, таурин, лактозу, карбонат, 78% - говядину, и идентичный натуральному экстракт матэ.

«Большинству людей совсем не нужна эта правда. Всё, что необходимо, - это проснуться и убедиться, что всё ещё есть работа, на которую нужно идти. Раз в неделю заверять маму по телефону, что всё хорошо, а в пятницу мечтать переспать с кем-нибудь из вечернего шоу, - неслось из мелькающего

телевизора в углу кафе, - Мы живем в век эффективного управления и глобального менеджества. Наши герои - это глумливые наркоманы-журналисты, молодые психи и модные параноики».

- Я буду чизбургер или что-нибудь, что выглядит, как чизбургер. Ты живой? Я понял, что Лора обращается ко мне.

- Да. Я просто о чём-то думал.

- Тебе сейчас вредно думать. Пойдём! Ты умрешь, если съешь чизбургер. Тем более, это кондитерская.

Я вывернул карманы и выложил на стол смятый комок из двух десятков. Стеклопакет с колокольчиком проводили нас и навсегда разделили с официанткой.

Любовь - это когда ты замечаешь в человеке, сидящем напротив, то, что никогда никто больше не увидит.

Вы тоже думали об этом? Если не верите, перечитайте, я подожду.

Мы выходили из ада, прощались и звонко смеялись у выхода.

Всю ночь мы кружились в танце и пролетали совсем близко над землёй, касаясь крыш домов, старого маяка в порту, мигающей вывески кондитерской и пылающего в пожаре цирка «Сицилийские ночи», где неделю назад на глазах у двухсот человек в полной тишине красного круга арены застрелился клоун.

Люди

Иногда, в свободное время, из которого состоит моя жизнь, у меня получается немного заработать. Мой приятель Снеговик – классный парень, и тоже, как и все, хочет счастья. Он душа компании и гедонист до мозга костей. Иногда в аптеке, где он подрабатывает, удаётся стащить немного таблеток, и мы распространяем их по знакомым. Наш девиз: помогай друзьям, значит, будет и нам! Сегодня после обеда мы идем с ним на экскурсию в церковь для наркоманов и алкоголиков.

Церковью называлось серое офисное здание с коричневым стеклопакетом слева от супермаркета «Веселые Каникулы». Оно больше напоминало банк или контору по автопрокату; но ведь если подумать, в этом был её смысл. На людях, которые уже оказались на грани, всегда легко заработать, давая им чистую надежду взамен грязных столларовых бумажек. Я хорошо знал, что у руководителя этого клуба друзей весьма занятная репутация и, конечно, до сих пор прочный брак с таблетками, героином и кислыми промокашками. Но я никого не виню - спасая других, ты должен сам не забывать вкус греха. Здесь я был как в закрытой мастерской мироздания. Если Бог создал человека по образу и подобию своему, почему бы не предположить, что

подобием является стильный наркоман. Мы быстро прошли мимо выстроенных в ряд столов и, поднявшись по лестнице, свернули в длинный белый коридор. Здесь чистят мозги тем, кто уже окончательно съехал, – поясняет нам сопровождающий.

В начале двухтысячных выпускников pr-академий, институтов, колледжей стало так много, что правительство, будучи не в силах справиться с недовольствами биржи труда, подписало знаменитый федеральный закон о создании отдельных поселений для них. «Креативные дыры» теперь стали местами, где креативщики жили колониями в трейлерах, старых гаражах и оборудованных сквотах. Они создавали семьи, профсоюзы, улицы. Они продавали свои услуги друг другу или меняли на еду и бытовую технику. Конечно, туда мы направляли всегда только лучший товар. Большинство пиарщиков, так и не сумев устроиться куда-нибудь на работу, убивали себя или становились наркоманами и попадали сюда.

Сегодня в городе «Третий Рэйв». Мы идем туда с Лорой.

Выходы

Известная британская ведущая Наташа Коллинз, работавшая на одном из детских каналов, была найдена мёртвой в своей лондонской квартире 3 января этого года. Об этом сообщает «Sky News».

Только что стали известны официальные результаты судебно-медицинской экспертизы. Как выяснилось, причиной смерти 31-летней ведущей стала передозировка кокаином. Кроме наркотика женщина в тот роковой вечер приняла большое количество снотворного и запила всё это крепким алкоголем. Тело мисс Коллинз было найдено в ванной, наполненной горячей водой. Судя по всему, у неё не выдержало сердце.

Помимо карьеры ведущей, Наташа Коллинз была занята в модельном бизнесе, а также снималась в кино.

Встречи

Я не расстаюсь с Лорой уже семь месяцев. Мы гуляем по узким улицам города, где скоро начнется карнавал. Солнце уже село, но жар его ещё источали камни, которыми были вымощены переходы между домами. Лора смотрелась очень мило, впиваясь глазами то в один, то в другой магазинчик, которых здесь было больше, чем припадков у Джонни Роттена. Неоновые стены и манекены. Целые улицы кукол и смерти. Её растрёпанные светлые волосы казались рыжими в свете огней проплывающих мимо «плимутов», отчего Лора была похожа на довольную рыжую белку.

- Смотри, – замороженно улыбаясь, сказала рыжая белка и потянула меня в один из магазинчиков, которыми кишел этот постоянный переулочек. Под неоновой надписью «Шагги» мы нырнули в стеклянную дверь, обитую розовым поролоном, и оказались в магазине одежды. В углу играл старый приёмник. Полутёмная комната, забитая вещами, походила на старую барахолку, заваленную цветными конфетти.

- Вам помочь? – приветливо спросила появившаяся из темноты дальнего угла девушка-мексиканка лет 16-ти в серебристой майке.

- Да! Помогите нам! – улыбнувшись, ответила с иронией Лора и ещё минут пять носилась между серебристыми вешалками, забитыми цветными кофтами, футболками и пиратскими майками.

- Эту! - определила она, вынырнув из глубины магазина, держа на вытянутой руке чёрную футболку с серебристым оттиском губ.

- Посмотрите без наклейки, пожалуйста – попросила Лора, приспустив к носу тёмные очки в белой оправе, которые в это время суток никого не смущали. Сейчас карнавал. Город ещё два дня будет заполнен наркоманами и озабоченными престарелыми туристами, но это скорей должно было заботить полицию, чем мексиканку, старающуюся прокормить свою семью.

Пока мексиканка копалась в тюках, шелестя целлофаном, в магазин вошла ещё одна парочка. Престарелый мужчина лет шестидесяти в шляпе, раскрашенной под тигра, с невыносимо красным лицом, ровными золотыми зубами и висящем на нём дорогом пиджаке и девушка с грустным лицом, которая вся была обвешена украшениями так, что когда она шла, покачиваясь, они звенели, как сбруя на цирковом пони. Глянцевая супер-сука в окружении тысяч пурпурных клоунов. Волосы её вились и спускались на лицо, большую часть которого занимали черные тени. Пони поглядела на меня отсутствующим взглядом, а старик нелепо улыбнулся.

- Saludo! - вдруг торжественно заорал на весь магазин старик, не переставая улыбаться и сверкать зубами.

- Saludo! - в эту же секунду вдруг со всей дури заорала Лора так, что я вздрогнул. Мексиканка подняла голову. Пони улыбнулась. То, что произошло дальше, было трудно представить. Кокетливо поправляя очки, Лора вдруг рванула через весь магазин, где была всего одна тропа между двух насыпей вещей, и кинулась на шею улыбающейся парочке. Пони отшатнулась. Старик оскалился и крепко сжал её, как обнимают девушку, принесшую выигрыш в казино.

Saludo! Saludo! Глаза его сверкнули. Лора завизжала. Я стоял, как вкопанный, и мог только скривить губы в улыбке. Лора, как ураган, целовала его то в одну, то в другую щеку, повалив на вешалку, на которой в ряд старели пятнистые летние платья, полосатые белые штаны и летние шляпы.

Напоследок, по-дружески похлопав по спине не перестающего улыбаться старикана, Лора отпустила воздушный поцелуй пони, и с криком «Это дружба!», схватив меня за руку так крепко, что я даже вскрикнул, выволокла из магазина. Я не успел сказать ни слова провожаемый взглядом парочки, не увидел, обратила ли внимание продавщица, что нас нет, а только моргал глазами, глядя на Лору. Её дьявольская улыбка сверкала всю дорогу, пока мы быстрыми шагами неслись в сторону пирса. В голове у меня вертелась мексиканка, старик с золотыми зубами и грустная пони.

Под луной

Пробежав метров пятьдесят по пустынному пляжу, Лора с разбегу приземлилась на кучу песка у разбросанных камней, процарапав джинсами по вершине насыпи и создав обильное облако пыли. Пытаясь отдышаться, я шлёпнулся рядом. Лора сверкнула ещё раз глазами и с довольным мычанием принялась целовать меня так, будто мы только что сбежали из лагеря смерти. Волны медленно проползали в метре от нас и, шипя, обвивали прибрежные камни. Сердце у меня билось, и я хотел что-то сказать, но Лора опередила меня, вытащив из кармана чёрный кошелек, обшитый зелёным бисером, и, вытянув его перед собой, смотря на него в свете луны, которая сияла так ярко, что освещала даже её родинки, провозгласила:

- Мой официальный спонсор – это Господь Бог!

Повертев кошелек передо мной с улыбкой девушки из рекламы зубной пасты, Лора принялась осматривать его.

- Ты украла его! – наконец-то выпалил я, отражаясь в очках, которые Лора швырнула мне на колени. Повернувшись ко мне, она молча «установилась» на меня. Да, именно «установилась». Мне всегда не нравилось это слово, но впервые я видел его самое точное выражение.

- Да! А на что это ещё похоже? – она закатила глаза, потом улыбнулась, повернув голову в сторону, и, разгладив острым подбородком складку на майке «Evenger's», продолжила осмотр трофея.

Вытащив из кошелька карты, ключи, триста долларов и календарь с топ-моделью, Лора подняла глаза к небу и начала в голове что-то просчитывать. Я до сих пор сидел и, отдышавшись, смотрел на неё. Лора повернулась.

- Ты никогда не брал чужого в тот момент, когда понимал, что тебе это нужно сильнее, чем кому-то, кого ты даже не знаешь?

У меня было не много времени подумать, поэтому я взял ещё секунду дополнительного и ляпнул глупость: «Это совсем не то!»

Её взгляд стал наигранно наивным и расслабленным. Лора помолчала минуту, снова глядя в тёмную даль моря.

- Не волнуйся! Это был мой отец. Верней, такой же, как мой отец: он где-то живет и тоже таскается по дешёвым магазинам. Я одолжила эти деньги в счёт компенсации за свое детство. – сказала она в абсолютно холодной тишине и закурила сигарету. Голодная луна улыбалась нам ржавой вертикальной улыбкой.

Покупки

«Ты украл целую жизнь у своей матери. Ты убил надежды своей страны! - звучало где-то у меня в голове, как будто полковник отчитывал строй солдат за проваленное наступление, - Мы не хотим быть, как наши родители, но мы не знаем, что сказать нашим детям».

- В путь! – Лора встала и подтянула штаны, отчего с них кусками посыпался влажный песок. Она без улыбки потянула меня за рукав за собой. Меня немного потряхивало. Я раньше никогда не тратил украденные деньги, так что полностью положился на Лору, несмотря на её заверения, что она тоже не умеет этого делать. Мы выбрались на освещённый проспект и, ведомые огнями неона, направились навстречу приключениям. Сначала мы купили ей полосатую майку и съели по огромному хот-догу с нереально жирными сосисками. Через улицу располагался старый театр - такой же, как в «Маджестик»; в нём показывали фильм про последних евреев, живущих в заброшенной синагоге в Кабуле наших дней. Честно досмотрев до кульминации, которая, по нашему мнению, наступила на первых минутах, мы, целуясь, покинули зал.

Растраченные

Из любого, даже самого бесполезного, дела всегда можно вынести какое-то созидательное зерно своей судьбы! - с этими мыслями нас и потащило на край городского акведука, по бетонной кишке которого громыхали огромные машины снабжения уже просыпающегося мегаполиса. Мы стояли на каменной набережной старого канала. Нас двое, и мы заблудились в этом мире. Холод воды, чёрные квадратные камни узкой мостовой, всё, как в те далекие времена, когда здесь, скрипя колесами, проносились кареты молодых, бесшабашных, накокаиненных графов. Утро приближалось прохладой по коже и убыванием сигарет.

- Хочешь, я отвезу тебя домой? - прервав молчание, спросил я. Лора повернулась ко мне и улыбнулась.

- Нет. Я не хочу домой. Я никого там не знаю.

Кот в шляпе

На стеклянных перегородках мелькали тени бегающих туда-сюда младших сотрудников, которые всегда готовы хвастаться родителям, что работают в индустрии современной журналистики, умалчивая, что всего лишь разносят копии документов для подписи. Авангард офисных крыс колонизировал редакционный отдел. Воздух был пропитан запахом горячей пластмассы работающей техники и радиацией от скулящих ксероксов. Некогда белоснежный пластмассовый корпус монитора Чака был обклеен цветными бумажками с именами и телефонами. Выспаться всё же не получилось, и теперь всё вокруг было похоже на тёплую вату, а в глазах нечётко просвечивались какие-то синие силуэты. На все мысли не хватало объема памяти, а соображения по поводу статьи казались либо слишком простыми, либо заоблачно невменяемыми. В своём пластмассовом загончике ты всегда можешь создать своё королевство, совсем не обязательно было закидываться экстази и поджигать бумажки, чтобы заработала пожарная тревога, хотя в прошлую пятницу это было самым потрясающим событием. Благодаря таким маленьким революциям, жизнь становится понятнее, хотя долгую дорогу в социальную паранойю трудно назвать жизнью.

Чаку нужен был я. Точнее, он знал, что со мной, Лорой и нашей волшебной шляпой скучное событие будет настоящим праздником.

- Привет, Чак! - радостно закричал я в трубку, когда увидел его номер.

- Привет! Слушай у нас завтра намечено открытие нового автомаркета «SY», в отеле «Макси», - приедут японцы, оркестр, коктейли в скучном саду камней – мне совершенно необходим свежий воздух. Ты понимаешь, о чём я? У меня есть два приглашения. Бери Лору и приходите. Форма одежды – вечерняя.

Крысы

Играла заунывная скрипка, но даже «Полька» казалась сейчас сносным саундтреком. Мы употребили кислород ещё час назад, и Чак, конечно, сразу же потерялся, сославшись на занятость, оставив нас на огромной трассе, забитой гостями и двумя длинными столами, за которыми уже методично происходило поглощение устриц, форели и мартини в честь истерического восторга от запуска новой линии кому-то необходимых седанов. Дамы в вечерних платьях поправляли прически, улыбались. Успешные менеджеры,

услужливые клерки, психотичные рекламисты, важные бизнесмены пили и кивали друг другу. Я бы не удивился, если бы Лора пришла на этот светский эшафот в костюме из рыжей ваты с пластиковыми крыльями летучей мыши, но на ней было то самое льняное платье, тёмно синие джинсы и черная накидка.

- Когда-нибудь мы станем такими же – говорила Лора, качаясь на лавке из стороны в сторону. Сидя на трассе под вьющимися растениями в ночном сиянии города, мы вместе внимательно разглядывали парочку в стильных костюмах.

- Я буду носить платье, а ты приносить с работы хорошие новости и жаловаться на своего босса. А в воскресенье – пирог, - казалось, её голос хрипел.

- Или так,- Лора встала. Сделав глоток, отдала бокал мне.

- Минуту внимания!

Возникла минута внимания.

- Я торжественно заявляю, что с этой минуты мы женимся!

(Послышался шёпот, редкие аплодисменты)

- Мы больше никогда не будем таскаться по скучным рекламным вечеринкам, как те заносчивые крысы, что сейчас жуют бесплатные бутерброды и кивают на всё, что им скажут! - Лора показала пальцем в дальний угол стола.

(Аплодисменты)

- Мы никогда не будем больше употреблять наркотики и построим дом по соседству с вами, чтобы вы не чувствовали себя одинокими!

(Аплодисменты)

- Это Мы, дети Индиго! Это Мы, антираковая опухоль человечества! Мы пришли в этот мир, чтобы разбудить его. Мир создал нас, как вакцину от миллионной глупости. Мы - иммунитет против самоуничтожения человечества. Мы общаемся, делимся и размножаемся. Мы - бесконечное силовое поле. Мы исторгаем новый свет. Мы - побочный эффект программной ошибки. Мы - панацея и плацебо от вашего жалкого мира!

(Аплодисменты)

- И я ответственно заявляю: катитесь Вы все к чёрту!

(Крики, аплодисменты, музыка)

Мы тихо сидим, и наши стеклянные глаза уже почти потухли. Прошёл дождь, и начинало холодать.

- Я больше не хочу смотреть на это кино, – прерывая молчание, сказал я.

Лора встала и, нацелив взгляд прямо перед собой, поправила волосы.

- Тогда идём! – прошептала она, облизываясь, - у нас ещё есть время до финальных титров!

Мы вышли на улицы из огромной арки дверей отеля, на мокрый от ночного дождя тротуар. Красные огни автомобилей проплывали мимо, прохожие плыли следом и о чем-то говорили. Лора сделала глоток и, улыбнувшись, бросила хрустальный бокал в мусорный бак. Звонкий хруст стекла под каблуками проводил нас ещё ближе к самому дну.

Праздник

Мы стали с Лорой одним целым.

- Любовь пришла ко мне в твоём облики, - шептал я, проваливаясь в светлые локоны Лоры. Казалось, в мире больше нет городов. Есть только гетто, промышленные зоны и участки запасов ресурсов, линии монорельсов, навесные карнизы, раскрашенные детьми, витрины, итальянские кафе и шёлковый шарф, который ты повязала мне в первый раз. Лора смеялась со слезами на глазах и билась головой об стену. В комнате мелькал свет, и играла музыка.

Сегодня сочельник.

Записки

Я расскажу вам о Лоре.

Её мать, окончив университет, стремилась к звездам и больше всего желала узнать ответ на вопрос "одни ли мы во вселенной?". Теперь уже шесть лет она профессор лаборатории по изучению внеземных форм жизни, но до сих пор не может толком сказать, есть инопланетяне или нет.

Лора знала, что если будет стараться, то через 21 год станет 511 космическим туристом. Мы часто говорили об этом, и её глаза отражали весь мир. Я знаю, в твоём стиле было бы обрушить МКС на цирк «Сицилийские ночи», ведь ты так его ненавидишь. Ты позвонила бы мне и сообщила, когда это случится, чтобы стоя на стриженных холмах, я посмотрел, как твой корабль начертит огненную полосу в небе.

У Лоры была волшебная улыбка. Вообще, складывалось ощущение, что вся Лора просто висит на улыбке, которая, как по волшебству, держится в воздухе и похожа на парящий кусок швейцарского сыра в форме полумесяца.

На работе Лора надевала табличку с именем Кристи. Лора попробовала это первый раз, когда строгий хозяин магазина музыкальных пластинок, где она подрабатывала, потребовал, чтобы у всех были именные таблички. Растерянная Лора вырезала из упаковки «Christy's Cakes» первое слово и аккуратно засунула в бэйджик. Весь день её звали Кристи, и ей вполне нравилось улыбаться беззаветной улыбкой людям, которые не лезли в её душу, а рассматривали три огромные пуговицы на блузке Кристи.

Лора всегда ходила в кино одна. Ей нравилась независимость от социальных ритуалов свиданий, принятых обычаев дружеских походов и уж тем более простого «пойдём в кино от безделья». Сегодня в «Rocket» показывали «Шестнадцать свечек», и Лора, как всегда, уже купила билет и хранила его в своем дневнике на странице с нарисованным пасхальным зайцем.

Лора говорила, что в день нашей встречи она отстригла ножницами голову своей кукле, с которой спала три года, потому что той было бы обидно, что она уже повзрослела для того, чтобы дружить с ней. Мы закопали её куски в углу старой автомобильной свалки в черте города, под старым крылом пропитанного маслом ржавого остатка автомобиля. Во время похорон Лора не произнесла ни слова, только поставила рядом найденный недалеко номер «1545» и молча закурила сигарету.

Нам было жаль куклу.

Кукле было жаль нас.

Город мечты

Заброшенный заводской бетонный резервуар, меловая крошка, арматурные скелеты, мокрый щебень в углах - всё блестело в лучах стробоскопов. Три сотни потерянных клябберов уже стеклись сюда из всех районов, обеспечив интернациональность мероприятия. Где-то сквозь грохот можно было слышать разрывы петард и гудение подъезжающих машин.

«Я хочу бежать к тебе и не думать ни о чём. Мы вместе уйдём из этого мира, который слишком ничтожен для нас. Мы сделаем искусственное дыхание мирозданию, и оно подарит нам с тобой новую планету, где будем только мы», - говорит голос Лоры в моей голове по дороге домой.

Мы проезжаем очередной переулочек. На стене серого и потрескавшегося от сырости монолитного здания кирпичом нацарапано: «Помогите! Мне кажется, весь город болен». Я представил себе эту девушку с дрэдами, в рваных джинсах и цветном шарфе, которая спасает людей от страшного

вируса безумия, выцарапывая спасительную надпись. Одиноким старик с большим и раздувшимся от влаги гетто распятием смотрит в окно одного из миллионов магазинов оккультной литературы, коих здесь в избытке. Мы летим дальше посреди утопающего в неоне и ночной жизни блестящего проспекта. Но тот старик, девушка и распятие не выходят из головы.

«Христос и Антихрист частенько созваниваются перед очередной вечеринкой в пятницу, несмотря на все слухи, раздутые журналистами про их разногласия. Им нравится обниматься перед камерой и фотографироваться с белозубыми детьми клерков, которых впихнули в первые ряды их инфицированные телевидением родители», - доносится из радиоприемника. Место без мечты. Пристанище спившихся романтиков, отчаявшихся домработниц и молодых революционеров в этом безликом городе, где в поисках сигарет бродит моя промокшая и замершая смерть.

«Это была последняя таблетка», - повторял я про себя.

Больше ни одной.

Никаких параной.

Чистота и свобода.

114 февраля

Когда идёшь вдоль пробки, чувствуешь тепло от работающих моторов автомобилей, справа и слева. Капюшон прикрывает тебе глаза, но капли дождя всё равно дотягиваются до твоих губ и залезают под одежду. Кислород, смешанный с парами бензина, кружит голову, и впереди длинная дорога из стекла и железа. В пробках все разговаривают о пробках. Под полуденным дождём я поворачиваю вдоль аллеи и вхожу в центр, где мы встречаемся с Лорой у её магазина. Мне хотелось кричать, будто стоя на крыше мира: «Целуйте губы Лоры! Вдыхайте её запах, и она никогда не завянет! Пусть весь мир знает, что я люблю ее, а она любит меня! Выпейте наш нектар, и мы отравим вас ароматом страсти».

- Поехали со мной! – предложил я.

- У меня важная миссия: пока мать в отъезде я должна уберечь кошку от голодной смерти, - сказала Лора, выпуская струю дыма и прищуриваясь.

- Я буду через два дня, и мы пойдём в парк.

- Не опаздывай! Иначе я начну убивать заложников. - Она улыбалась и всё вокруг сияло.

Холодный дождь превратил наши куртки в мокрые коконы. И мы долго целовались, покачиваясь под каплями с чистого неба. Мы сидели на заднем дворе и слушали радио Бога.

Бог говорил с нами, и мы могли дотянуться до него, пролистать волны, заказать песню и получить все ответы на все вопросы. Лора смеялась, её стеклянные глаза впились в мир и закрывались только когда из её губ, как

большой воздушный шар, надувался пузырь фруктовой жвачки. Мы сидели здесь уже больше часа.

Сегодня 14 февраля.

Если бы февраль был бесконечен, то сегодня был бы именно этот день.

Я хочу, чтобы он длился всегда.

Одноразовые влюбленные

По дороге домой, облокотившись на расцарапанное стекло вагона подземки, я думал обо всех, кто любит. Я думал о тех, кто любит сильно и понемногу. Тех, кто умер за любовь, и умер, потому что не знал её. О тех, кто жил с любовью, и ушёл на войну за неё. Для тех, кто любит только один раз, и знает об этом. Я разработал свою концепцию таких «одноразовых влюбленных».

«Одноразовые влюблённые» больны недостатком совести, х-серотонина, и перспективности.

«Одноразовые влюблённые» всегда извиняются, когда случайно разливают цветочный чай, даже не зная, чей он.

Если бы одноразовые влюблённые разговаривали друг с другом, их диалоги состояли бы из поэтических абсурдов и чванливых эстетских эпитетов.

Попробуй ты сказать правду, и у тебя бы вышло только:

- Привет! Скажи мне, как тебя зовут, прежде чем отдашь свою любовь.
- Кристин.
- Ты идиотка, Кристин!

Любимая фраза «Одноразового влюбленного»: «Эта девушка сегодня была очень мила. К сожалению, ей придется влюбиться в меня».

«Одноразовые влюблённые» никогда не врут, кроме случаев, когда нужно врать постоянно.

«Одноразовые влюблённые» улыбаются до конца, как горничные в приличных домах.

«Одноразовые влюблённые» знают, что следующая любовь будет лучше. Но лучше той, что сейчас, ещё не было.

Молекулы

Кислотный свет лампы съедал комнату и половину гостиной. На полу валялись куски рассыпанного печенья, которые глухо хрустели под ногами, превращаясь в пятна жёлтой пыли. В моём стакане был коктейль из

шампанского и энергетика с аккуратным кусочком лимона и кубиком льда, который уже почти растаял и больше походил на маленькую прозрачную тарелку пришельцев, плавающую в оранжевой шипящей кислоте.

Я взял со стола флэшку, телефон и новый номер "MixMag". Сегодня я, как школьник, отправляюсь на закрытую домашнюю вечеринку. Закрытые вечеринки всегда пахнут нонконформизмом до тех пор, пока ты не встретишь там своего начальника, наглотавшегося Е и орущего тебе в ухо старый шлягер Уолта Диснея.

Сегодня частный приём устраивает Снеговик. Я уже давно не посещал такие мероприятия, и мне хотелось широко, открыто, истинно радоваться тому, что две сидящие напротив девчонки всё же нашли выход из кухни, после того как провели там пять часов, пытаюсь решить, есть ли мама у холодильника. Здесь будут мои друзья и те, с кем я случайно заглотнул витаминов в одной очереди в туалет, и вряд ли будет шанс когда-нибудь встретить их в библиотеке или на распродаже. Но сначала самый важный звонок.

- Прости, что вчера накричал на тебя. Хочешь, я вечером принесу коробку с едой?

- Соус из белых грибов и лосося? – спросил из трубки нежный голос.

- Соус из белых грибов и лосося, - подтвердил я. Мне не нужны эти вечеринки, нужна только ты. Всё равно я хреновый музыкант. Я завяжу со всем. Мне нужна только ты.

- Я уезжаю ненадолго.

- Куда?

- В Лас-Пальмос! Говорят, там чудесные коктейли.

Тогда я слышал Лору последний раз.

В ад туда и обратно

Её телефон молчал неделю. Она не появлялась ни в «Гуаране», ни в парке, ни в магазине. Я вытряхнул из тумбочки картотеки флаеров и десятки брошюр по профилактике амфитаминов, поролоновые брелоки-игрушки и стопку дисков, которые хрустнули под ногами, когда я, с облегчением пройдясь по ним, рухнул на кровать, держа в руках тот самый листок салатowego цвета с надписью. «Бриз Одиннадцать. Лора».

Застывший вагон наземки и садившееся рыжее солнце над остывающим мегаполисом, провожали меня ещё несколько минут, когда я, проваливаясь в снег, пробирался к чернеющим на горизонте домам. «Бриз Одиннадцать». Я зашел в пустой дверной проём заброшенного дома на окраине городской свалки.

Когда я вышел на улицу, было уже темно. Во дворе стояли те же качели, три сугроба, бывшие когда-то машинами, и свалка покрывшек, видимо, свезённых

сюда умирать муниципалитетом. Может быть, именно здесь маленькая Лора лепила из снега белые города и ночью смотрела на эти же звёзды, представляя, как когда-нибудь они спустятся на землю не уничтожать города кусками метеоритов, а подарить новую надежду задыхающемуся человечеству. Я прислонился к стене и медленно сполз по ней на смесь кристаллов льда и каменных осколков. Глаза закрылись сами собой. Лора. Ты слышишь меня? Я хотел бы уснуть и замёрзнуть в запорошенной снегом машине у тебя под окном. Превратиться в этот снег, который укроет твоё окно, а тысячи влюблённых будут делать в нём снежных ангелов. Внутри все колотилось. Этот дом был заброшен уже около года, здесь никто не был уже давно, и редкие бродячие собаки смотрели на меня с грустью. Я застыл, глядя вдаль, ощущая, как где-то в груди, остывая, булькает моё сердце.

Сон

Серые коробки вагонов метро, как жестяные банки, набитые жирными червями, с тёплым тяжёлым запахом и рёвом вылетают из чёрного тоннеля. Оглушающий грохот. Механический запах. Космическое давление. За стеклами проносятся люди, которые в свете ламп чувствуют себя безопаснее. Иногда проклинаешь конструктора, который придумал поставить сидения друг напротив друга. Ты вряд ли всегда рад заглянуть в томный и безразличный взгляд того, кого судьба назначила твоим соседом на другой стороне вакуума вагона. Твой выход - навеки уставиться в чёрный пейзаж за потускневшим окном, на котором кто-то намеренно расцарапывает надписи «не прислоняться», придумывая каждый раз новые забавные варианты. Ты под землей, но где-то в космосе. Свет в вагоне погасает. Я молюсь, чтобы он не зажёгся. Мне тепло от химической духоты и я засыпаю. Мне снится поздняя осень. Карлик-водитель уныло ведет длинный черный лимузин по утопающей в грязи и пластиковых бутылках улице. На заднем сидении я, выпячиваясь вперёд, смеюсь и наливаю Лоре шампанское. Потом мы гуляем по большому проспекту. Тонны мусора, втоптаные в бетонные плиты под ногами. На тебе было белоснежное платье, но не такое пушистое и пафосное, а скорее облегающее и эстетично-стильное. Мы шли и пили на ходу шампанское, пытаясь не упустить ни одного мгновения торжества. Воздух уже был пропитан надвигающейся свежестью первых холодов. Ты держала меня за руку. Позади шли наши гости. Те, кто появлялся в нашей жизни довольно регулярно для того, чтобы в этот день быть зачисленными в приближённую свиту.

Это наша свадьба.

Скоро выпадет первый снег.

Он очистит всю эту грязь.

Кадры

Мерцающий свет то погружал всё во тьму, то едким ядерным ударом освещал моё отражение в зеркале. Я слышал, как капает вода, и где-то за стеной глухими ударами гремит музыка, словно последний оставшийся в живых моряк стучит ключом по ржавым переборкам затонувшей лодки в надежде, что его услышат наверху и ещё успеют спасти. Все умерли. Здесь только я. Я ложусь на грязный пол и замираю, как вмёрзшее в яблочный джем насекомое. Я перетягиваю руку. Мне нужен один укол и железо под кожей.

Здесь только я и темнота. Так было много дней, а может, и месяцев. Будто кадры на старой плёнке проносились через один. Сигарета плавала в отколовшихся друг от друга кусках пены, оставляя чёрные угольные пятна. Вода разбивается о воду. Говорят, что если добиться температуры воды в 36 градусов и выключить свет, ты почувствуешь то же самое, что и до рождения в утробе матери. Сейчас свет мигал. Значит, я еще не решил, родился я или умер. Может быть, мы ошиблись жизнями? Здесь, на пустом и холодном астероиде, который мы колонизировали, чтобы создать себе тусовку, одинок каждый. Встречаясь, мы пытаемся скрыть это друг от друга. Капля. Капля. Я помню, как Мы танцевали вальс под тихий перебор фортепиано из динамика твоего мобильного телефона в свете угасающих огней пустой автостоянки. В этом мире не было более счастливых людей. Когда погаснет кислотный экран лежащего на твоей ладони телефона, я ещё успею сказать, что люблю тебя. Я хотел бы изготовить восемь тысяч бомб и заложить их во всех домах по окраинам города вдоль Ист-стрит, огибая Розовую аллею, потом, резко свернув на Эшли, и по проспекту вдоль улицы Мерро, и снова по прямой до пересечения с Ист. Я взорву их одновременно. Таким образом, с каждого спутника девятнадцать секунд будет видно самый большой сотворенный человеком рисунок сердца.

Шорох. Кнопка. Вспышка. Дыхание. Пока волна пронизывает меня, я назову твоё имя. Стена грязи и пыли вычертит на раскалённой земле огромное сердце. Арматура, черные скелеты автомобилей и я. Если я останусь жив, я выложу слово «любовь» и твоё имя из трупов на стадионе Бэнтли. В свете прожекторов его увидят только вертолеты военных и Дэн Хуггарт из CNN. Значит, твоя тётя тоже, ведь она всегда смотрит его шоу. Она не будет знать, что это для тебя.

Это мои цветы тебе.

Это моё спасибо за твой пирог.

Это моё сердце упало в корзину с твоими яблоками.

Я проваливаюсь в воду. Меня кто-то тащит вверх. Я слышу крики.

Галогенные лампы мигали всё ближе.

В голове я слышу: «Проснитесь, господин президент!»

Записки 2

Каждые выходные Лора навещала в больнице девочку, которую сбил грузовик. Об этом упоминалось где-то в прессе, но случай не был расследован, и матери пришлось разослать письмо по тысячам случайных адресов с просьбой помочь деньгами, перечислив на виртуальный счёт.

Лора, получив письмо, поняла, что может сделать больше, и приезжала в больницу всё это время. Плюшевый заповедник из медведей и хрустящие хлопья с гороскопом уже окружали Каролину, когда она проснулась от восьмимесячного сна. Готовясь к скучному загородному уик-энду у тётушки, Лора уже закинула вещи в открытую машину сестры, когда получила сообщение, что Каролина проснулась.

Прилетев на такси и пробежав по длинному коридору, Лора, встав на цыпочки, как ребёнок, с удивлением наблюдала через блестящее окно, как Каролину перевозят из реанимации в большую палату, отцепляя белые провода. Каролина сказала, что видела Лору во сне и знала, что она вернется сказать ей, что та очень красивая и всегда должна носить кудряшки, как Мерлин Монро, если хочет играть в кино. Лора оставляла меня внизу у входа в больницу, когда мы вместе приходили к Каролине, и возвращалась очень довольной, потом обнимала и целовала меня со словами: «Она сказала, что мы будем вместе всегда».

Ангел

«Я была ангелом, – говорит Лора, - но съела гнилые яблоки».

Мертворожденный

В помещении, где я нахожусь, одно окно, кровать и белый стол. Странно, но кровати всегда ставят слева от середины комнаты, как бы давая условный сигнал, в какую сторону смотреть, чтобы не наткнуться на стену. В нос бьёт запах спирта, слух режет стальной звон инструментов, переключаемых из одного ящика в другой. В комнате лысый мужчина с отрешённым лицом в белом халате и толстая медсестра в синих туфлях. Я лежу на какой-то кушетке, и чувствую онемение рук. В голове что-то царапается. Руки перебинтованы.

- Это твоя первая передозировка? Ты слушаешь меня?

- Да.

Я не слушал. Доктор что-то говорил еще десять минут. Десять минут, которые не будут иметь значения. Меня поставили на метадоновый учет и прописали появляться в больнице один раз в две недели.

Яды

Вечером, уставившись в ящик, мы смотрим пропаганду, утром идём на работу, ночью готовимся к первому и второму. Бросить наркотики – это значит сказать “да” «честному безумию». На это способны лишь единицы. Однажды Лора спросила меня, зачем мне всё это. Я сказал, что это мой протест против черно-белого мира, и она сказала, что должна быть всегда со мной, где бы я ни находился, и как далеко бы ни улетал.

Пилюля была продолговатая и лёгкая. Одна половина зелёная. Другая белая. Одна на двоих первая таблетка. С тех пор мы все делим на двоих.

«Пусть моё сердце просто перекачивает кровь и никогда ничего не чувствует, если я вдруг разлюблю тебя», - шепчет Лора своим дыханием согревая мои руки. «Пусть погаснет солнце и ядовитые ягоды покроют землю, если один из нас умрет», – целую я её волосы.

Путешествие

Мы едем на Юг. Здесь проводят своё лето элитные торчки, и значит, всегда есть место тем, без кого они жить не могут. Сколько бы ты наркотиков ни привёз с собой, они всё равно закончатся. И тут появляемся мы. Главное не столкнуться с местными, которые всё время следят за порядком на территории. А так как мы - прямая угроза их доходу, всё, что нам нужно делать - искать клиентов самостоятельно, проводя время так же - употребляя наркотики!

«Ты знаешь, чем они занимались? - орал мне в ухо Снеговик, перекрикивая музыку, которая звучала из колонок открытого летнего бара. -

Они владели городом!

У них была полиция и все что может быть у транснациональной корпорации!

Они были настоящими сволочами!

Они убили Кеннеди!

Они похитили и перепродали тело Пресли!

Они скупают все дешевые елочные игрушки за месяц до сочельника!

Они роются в твоём мусоре, пока ты спишь!

Они знают, что ты принял и когда это кончится!»

Место в грязи

На город напоззает грязная ночь. Вокруг, в вакханалии проклятого карнавала, носатые маски из папье-маше пустыми глазами возносятся к мерцающему небу. Какая-то девушка выныривает из толпы, целует меня, улыбается и уходит. Я смотрю, как её поглощает толпа, но мне уже не спасти

её. Меня отталкивает от себя улыбающийся подросток и радостно кричит что-то о ночи. Вокруг только звон бутылок, поцелуи и огромные куклы. У меня слишком едет крыша, чтобы отдаться безумству в мире, где ему уже нет места.

Я сижу на холодных ступенях какого-то переулка. Ночная жара пульсирует в моей груди. Мозг сводит от волны химической эйфории. Мне надо поспать. Я прошу отвести меня домой, но никого нет рядом. Я закрываюсь капюшоном, и пытаюсь собраться.

Вокруг костра играют дети в разноцветных футболках. Сидя на стопке журналов «ОГОНЁК», покачиваясь, как яхта у берега, смотрит вдаль девушка в рваных синих джинсах. Её кеды расшнурованы. Она что-то поёт себе под нос. Я развязываю жгут, вытираю каплю крови с руки и пытаюсь прикурить промокшую сигарету. Девушка в кедах закутывается в клетчатый плед, глядя на приближающийся со стороны города рассвет.

Меня колотит от холода, и я думаю о Лоре.

Я уже три недели не знаю, где она.

Где-то вдали слышны последние крики истощенных ночным безумием зверей.

Нам пора ехать.

Здесь уже ничего не будет.

Затмение

Мы летели по пустыне, и я пялился в пустоту, где с минуты на минуту должны показаться огни тихих пригородов. Солнце уже приятно отдавало жжёным мармеладом. По радио передавали о перестрелке в школе.

- Чёрт! Эти хиппи просто психи!

- Тринадцатилетний пацан пускает пулю в человека, потому что жизнь к нему не справедлива!

Из приемника играет старый хит: «У Молодой Графини губы в кокаине». Мы обгоняли белый автобус с голубой волной и крышей, раскрашенной на манер гавайских венков. Ветер был горячий, и невыносимо хотелось с размаху броситься в холодный бассейн. Я вынул ещё одну пилюлю из тех, что остались.

Не отрываясь от вождения, Снеговик сказал, всё так же глядя вдаль:

- Это много.

Я не ответил. В холмах, пролетавших за окном, в автобусе, попавшемся на встречу, небе и солнце я видел только одно лицо и слышал только один голос. Поросшие кустарником редкие деревянные изгороди, которые иногда на секунду загораживали солнце, были единственными признаками того, что

мы несёмся куда-то, где есть жизнь. Солнце скоро сядет где-то там, на горизонте, прожигая себе в земле воронку, как окурок, брошенный на кусок полиэтилена.

Действие началось волнами. Сначала глухо в висках забило сердце, и кресло показалось ватным.

- Тебе нужно поесть. Сколько ты уже не ел? Ты не спишь уже неделю.

- Я...

Я пытался что-то сказать, но не мог понять, что происходит вокруг. Давление нарастало.

- Что??? – орал на меня Снеговик из другого конца машины.

Мы резко вошли в поворот и стали набирать скорость.

- Мне кажется, твои мысли... - я успел услышать только это.

Титры

Глухой хлопок – и странное чувство невесомости. Блестящие стёкла застыли в воздухе и повисли вокруг, как новогодние снежинки. Сердце как будто уходит в какой-то неизведанный ранее резервуар с холодной плазмой за твоей спиной, и пульсирующие нервы цепенеют. Мозг хаотичными картинками выдаёт миллионы вариантов того, как железные переборки автомобиля будут искривляться вокруг твоего тела. Исполинский кусок металла, переворачиваясь и растирая по горячему асфальту красную краску, несётся, теряя хромированные кости и куски мяса из скрытых под панцирем капота внутренностей.

Говорят, что в эту минуту жизнь пролетает перед глазами, и ты понимаешь самое важное.

Запах дождя и цветущей весенней травы перед дождем.

Радостный крик дочки, которая хлопает в ладоши, в ослепительном свете солнца в жаркий летний полдень.

Огромные стаканы с попкорном и одна на двоих «отвертка» во время первого поцелуя в темноте провинциального кинотеатра.

Блестящий глянец краски при первых прикосновениях к заветной машине, подаренной на совершеннолетие. Улыбающиеся родители.

Я не видел всего этого. Меня это совсем не волновало.

Я не чувствовал страха или волнения, хотя впервые видел изнутри, как небо и земля каждую секунду меняются местами в лихой пляске шоссейной автокатастрофы посреди безлюдной пустыни. Свернувшись, как утопленный котенок, кусок из грязи, крови и железа застыл в клубках пыли, снова погрузив мир в молчание.

После

Когда я открыл глаза, мир вокруг был поделен на две половины. Первая – верхняя – была сиренево-белого цвета и состояла из силуэта, который склонялся надо мной, вторая – нижняя – тёмно-серая, которая проходила по моей переносице и утопала во тьме. Я не мог смотреть никуда, кроме той полоски света, на которую открывались мои глаза. Звуки были где-то далеко, но сильно чувствовалась какая-то вибрация. Я не знал, где кончаются границы моего тела, и всё вокруг то сжималось в комок, то проваливалось в пустоту, когда резкий свет бил по глазам.

Казалось, прошло несколько недель, или месяцев. Когда видишь только нестареющие пластмассовые трубки, то считаешь дни по черным и белым пятнам. Иногда я понимал, что говорят люди, которые приходили, чтобы поменять какой-то белый раствор, от которого всё жгло под кожей.

Это была не кома.

Это был не сон.

Снов совсем не было.

Мысли были хаотичны и прерывисты.

Цветы на окне.

Синее полотенце.

Вода.

Во тьме

Её голос изменил всё.

- Через неделю ты сможешь сам встать и поесть.
- Где я?
- Не сейчас.

Правило первое: Никаких наркотиков.

Правило второе: Все личные вещи – это номер и имя.

Правило третье: Вести дневник.

- Хорошо, - сказал доктор, когда мои ноги коснулись пола.
- Первое время будешь чувствовать постоянный голод. Питание 2 раза в сутки. Вставать только в присутствии сестры.

Синяя королева

- Мне сказали найти Джесс, - казалось, сухим и шершавым языком я не мог полностью выговаривать слова. Прошло две недели, как я смог ходить по

палате, и теперь мне разрешено было выйти в коридор. Сестра оглядела меня с ног до головы и указала в глубину коридора пластмассовой синей ручкой:

- Иди по коридору до комнаты 301. Джесс живет там. Она здесь за старшую.

Сестра смотрела мне вслед, когда, пересиливая боль, я медленно скользил вперед. В голове было ясно и чисто. Казалось, я весь пахну, как только что купленная бытовая техника. Я чист и спокоен. Блестящий кафель отдает пустотой и атмосферой химической лаборатории. Я прохожу через коридор и ищу комнату Джесс. 301. На двери наклейка, которую уже пытались сорвать, гласит: «Ты можешь умереть, выйдя на улицу». Комната Джесс была меньше моей, но шире, что создавало ощущение детской спальни средних размеров в пригородном особняке. На стене рисунок летучей мыши, и где-то из тумбочки играет плеер.

- О, привет! Я не видела тебя раньше. Ты новенький? Хотя нет, дурацкое слово, извини.

- Да, – начал, было, я, но понял, что это не тот случай, когда жевание скромности одарит хорошим впечатлением, и продолжил более уверенно, - я проснулся всего несколько дней назад, доктор говорит, что мозг несильно повреждён. Кстати, я пришёл узнать, как мне позвонить отсюда. Ты, наверное, в курсе.

- Я «в курсе», - засмеявшись, повторила мои слова невысокая и похожая на куклу наркоманка Джесс в светло-синей кофточке с портретом Люка Пэрри. Я вижу, что она очень добрая.

- Я Джесс. Синяя Королева. Потому что живу в синей комнате.

Комната и правда была полностью залита краской цвета утреннего летнего неба.

- Я живу в комнате в конце коридора, но мне разрешено гулять полчаса в день.

Это было все, что я хотел сказать, и мы уставились друг на друга в молчании.

- Если мне понадобится, – заговорил я и повернулся к двери, чтобы изобразить неловкость, но Джесс всё сделала сама и, перебив меня, повторила мою фразу:

- Если тебе понадобится что-то узнать, ты узнаешь это у меня!

Она застыла в улыбке, как её медведь, сидящий на подоконнике. В плеере начинается новый трэк.

- Хорошо.

- Ты очень милый. Ты здесь, как и все?

- Я попал в катастрофу. Мы ехали в город. Мне нужно узнать...

Я не успел договорить. Джесс засмеялась. Потом описала в воздухе указательным пальцем полукруг и, криво ухмыльнувшись, произнесла чётким и разбитым на слова монологом.

- Ты. Не. Попадал. В автокатастрофу. Я читала твое заключение.

Параноидальный бред, хроническая наркомания, передозировка. Ни. Какой. Авто-катастрофы.

Она поводила пальцем в воздухе. Кислород в комнате просто исчез. Комната наполнилась тишиной. Я не слышал плеер, не слышал, что ещё говорила Джесс, не слышал тиканья часов.

- Ты нар-ко-ма-н. Чёртов, бесполезный, конченный, неспособный нар-ко-ман, - добавила она в тишине.

Обычно в такие минуты мутнеет в глазах, люди тут же просыпаются у себя дома и идут в ванную, продают душу Дьяволу, ищут скрытые камеры, вспоминают свою жизнь. Я стоял и чувствовал, что за мной стена, а передо мной кровать, на которой сидит и, притаившись, смотрит на меня черными зрачками ребёнок. Джесс сидела и улыбалась.

- В шесть таблетки, в восемь сон. Не забудь записать всё в дневник.

Первое правило

Все должны были вести дневник каждого дня пребывания здесь. Дневник заполнялся перед сном и был для нас, как винтовка для морпеха. Каждое утро мы просыпаемся и выстраиваемся в безмолвную колонну, чтобы получить ламинированные капсулы с тем, что сейчас заменяет все слова, которыми люди по ту сторону стен описывают счастье. Мы молчим. Даже те, кто сегодня кричал всю ночь. Сначала ты употребляешь наркотики, чтобы избавиться от боли бытия, потом употребляешь другие, чтобы избавиться от первых, потом молишься, чтобы ещё хоть раз увидеть свой скучный мирок, от которого так старательно убегал при помощи дури. Но остаётся только боль. Таблетка, чтобы заснуть. Таблетка, чтобы проснуться. Ещё одна, чтобы поесть. Две, чтобы перестать мочиться кровью. Мы даже придумали песенку: «Мама, мама, полети на небо, там твои детки кушают таблетки». Мы молча поём её, когда подходим к квадратному белому окну. Вчера приходила моя мать, но мне не разрешили с ней увидеться. Только письмо и конверт с фотографией, где мне 10 и я держу на плече огромную рыбу. Тогда с нами ещё жил отец.

Истории

Мы сидим в комнате Джесс и заполняем тест.

- Я надеюсь, что мы умрём, держась за руки, – прошептала вдруг в пол Джесс, выводя карандашом в клеточке сердце.

- Что?

- Ничего. Продолжай, - спокойно сказала она.

Я знал, что за этим последует что-то важное, поэтому не стал задавать дурацких вопросов, а просто уставился в окно.

- Это о любви. - продолжила она. - Любовь растоптали тысячи неудачников, которым дали в руки слишком ценное сокровище. Теперь бог более

избирателен и вкладывает любовь только в двух людей на земле. Они будут счастливы, только когда найдут друг друга, а все остальные пары - случайные совпадения. Но если два человека встретились в этом мире, а их крылья слишком грязны, и они не могут быть вместе – они выбирают умереть, держась за руки, чтобы в следующей жизни никогда не разлучаться. Она зависла, уставившись в меня, и мне показалось, она издевается.

- Тебя поэтому отселили сюда? Такая умная?

- Нет, – игриво заморгала Джесс, - я собранная и креативная. А ещё разная. Она улыбнулась. Она растерянно посмотрела на меня и, оглядевшись, вытащила из кучи сложенных шмоток блокнот.

Подняв глаза на меня, она указала мне карандашом на стену.

- Классы там. Скоро начнутся занятия, а мне ещё нужно записать в дневнике наш разговор, - сказала она и улыбнулась.

Я направился к двери, приняв решение общаться поменьше со съехавшей с катушек соседкой.

- Эй! – окрикнула, она меня, - А хочешь узнать, почему я здесь?

Рождение

«Avensis. Если летите – летите с комфортом!»

Звонящая тишина ночного аэропорта. Автоматы с кофе, интерактивные табло, пачки журналов и чёртов запах только что купленных сигарет, от которого хотелось курить снова.

Если мы еще на земле, то Джесс была уже далеко.

Она чувствовала то, что чувствует неудачник-художник, лезвием выписывающий улыбку Моны Лизы в последней засохшей капле краски своего первого шедевра. Она чувствовала счастье. Можно было даже прикоснуться к счастью, как к первому снегу, пышными коронами свисающему с крыши крыльца домика тётушки. Счастье таяло в руках и растворялось в теплой ладони.

«Ты всегда должен быть готов нести до конца то, что выбираешь, – даже когда это уже безвозвратно стекает водой с твоей руки, - повторяла она свою собственную истину. Можно зарыться в снег, но он растает. Сколько минут ты можешь не дышать под снегом?»

Если бы бог решил нас потешить, то горы были бы сделаны из кусков мороженого. Тогда мы сожрали бы эту планету в прямом смысле. Сапожки с белым мехом. Атомное солнце. Джесс улыбалась.

Внутри неё кто-то говорил:

- А ты всегда будешь меня любить?

Она отвечала:

- Даже если погаснет свет, я найду тебя.

- Я оставлю тебе след из кусочков своего сердца и каж...

"Внимание! Сотрудники воздушной гавани делают всё возможное, чтобы разрешить ситуацию и разгрузить аэропорт", – сигнал из колонок выбросил её из мечты о зимнем крыльце, снеге и любви. С этим нужно было завязывать. Джесс чётко понимала, что ей нужно. Затушив сигарету и выписав в воздухе фонтан дыма, она придумала этому название. Клуб «Мёртвых Романтиков». Мне нужны ещё психи, которые видят снег из мороженого в аэропорту, где видимо, сдохли все улыбающиеся стюардессы.

День всех влюбленных

Упаковка от снотворного, сложенная в лодочку, покачивалась на тумбочке. «Фенамин» и «Реланиум» стояли ровными тюбиками рядом. Затушенная в белоснежный торт сигарета торчала из глазури, как перископ подводной лодки. Торт купила Джесс – сегодня День Всех Влюбленных. В этот день мы дарим друг другу плюшевые фальшивые сердца, наштампованные на бесконечном грязном металлическом конвейере, спуская на них деньги, сэкономленные на сигаретах. Мы знаем, что подаренные в день святого Валентина упругие напыщенные надувные шары через два дня станут похожими на сморщенные красные сиськи.

«За месяц в клубе «Мёртвых Романтиков» нас было трое. Кольт - вечно молчаливый, с отсутствующим взглядом, всегда одетый в вытянутый полосатый свитер, чёрных очках и дымящейся тонкой сигаретой. Рони – ухоженного вида паренёк из благополучной семьи. Он всегда мог вставить в наш разговор заученные цитаты и наполнить смыслом наше существование». – рассказывала Джесс.

«Мы все были безумны, - говорила она, - достаточно безумны, чтобы дружить».

Жертва

Мы вышли из здания морга и тут же молча закурили. Дождь кончился, и в вечернем воздухе повисла тишина. Опустошающая тишина. Пустой и молчаливый озон в серой темноте. Мы обогнули здание огромной библиотеки с нереально огромными серыми колоннами и психоделическими витражами начала века.

- О чем ты сейчас думаешь? – как бы в пустоту спросил Кольт.
- О Рони, – ответила Джесс. - Он всегда хотел умереть. Сегодня его день. Его нет, а я жива. Я не знаю, почему так получилось.
- Он хотел умереть, чтобы жить.
- Придурок! – сквозь дым выпалила Джесс.
- Это могла быть ты! – одернул на ходу Кольт.

- Слушай! – резко остановившись, оборвала Джесс. - Одно дело умереть, задохнувшись на кухне, выпустив всю кровь в горячей ванной, или вынести мозг раскалённой пулей, оставив после себя записку, но сдохнуть от аппендицита – это дерьмо собачье!

- Зато он ближе всех нас к покою.

Джесс протянула руку в жесте, который сейчас не значил ничего грубого, - это был простой и нежный вытянутый средний палец. «Fuck Off!» - произнесли округлые губы и снова слились в лунную улыбку.

Вывернутые сердца

Через час мы сидели в комнате, которая никогда не будет нашей. Сквозь неровно заклеенные белой бумагой окна бывшего хипповского сквота пробивались лучи вечернего солнца. Джесс надела мамино свадебное платье и сидела на полу и красила чёрной краской пустой пластмассовый стакан.

- Я придумал стихотворение, - вдруг сказал сидящий на подоконнике Кольт, все так же пялясь в выцветший ковёр под ногами, куда, кружась, как чёрный снег, приземлялся пепел с его сигареты, - Стихи про тебя, Джесс:

Тили-тили тесто – Мертвая Невеста!

Раз, Два – Я мертва,

Три четыре, пять – Я живу опять!

- Я Люблю Опять! - тихо произнесла, проснувшись от чар самосозерцания, Джесс.

- Что? - хрипло переспросил Кольт, затягиваясь.

- Четыре, пять – Я люблю опять! - сказала она, снова не поднимая глаз. Тишина.

- Живу - нормальная концовка, – начал снова Кольт, - тем более...

- Дерьмо! - выпалила она, подняв на него взгляд. Атмосфера напоминала кусок авангардного кино с перепутанным сценарием, который никто не читал. - Когда ты любишь, ты дополняешь жизнь другого человека, – начала она спокойным и слегка томным голосом, отчего это показалось еще более кинематографично, - ты живёшь тем, чтобы жить им. Чтобы каждый вечер умирать в его объятиях, а утром открывать глаза на одну секунду, чтобы успеть понять, что он живёт в твоём сердце. Если его нет, ты можешь выбрать, просыпаться тебе или нет. Нужно достаточно сильно любить, чтобы не простить себе, что когда-то ты жила совсем без него и могла улыбаться. Сломаться может каждый. Когда твоя любовь растрочена, ты остаёшься один на один с собой. И тогда начинается жизнь. Ты можешь снова жить, чтобы любить снова. Снова искать и любить. Но это у всех. А я Люблю, чтобы жить! Так что засунь свою концовку в своё мёртвое тело через рот!

Большие глаза. Чёткий блестящий взгляд. Локон божественных черных волос. Шарф и немного размазанная тушь. Так выглядела Мёртвая Невеста, когда добавила: «И ещё сегодня я убиваю «Клуб Мертвых Романтиков»».

Сегодня умер Рони. Кольт и Джесс орут друг на друга. «Клуб Мёртвых Романтиков» пожрал своих детей. Мы жили в маленьком городке, где свисающие со стен балконы едва-едва касались друг друга. Стоило Невесте встать и выглянуть в окно, как она увидела бы меня.

Я иду к Лоре.
Я не вооружён.

Лимб

Вас более привлекают:

- а) здравомыслящие люди
- б) люди с богатым воображением

Потом два года я пила всё, что мешало мне спать и улыбаться, а однажды отрубилась на лекции по истории и проспала неделю. Отец отвёз меня сюда - здесь я под его присмотром.

Мы сидим и курим на площадке. Джесс что-то поёт и щурится, когда смотрит на меня. За моей спиной солнце и прозрачная белая сетка забора клиники. Облака плывут неспешно и, кажется, снова возвращаются, успев только-только скрыться за горизонтом.

- Я никогда не употребляла наркотики. Мой отец привёз меня сюда. Он доктор. Меня бы закрыли в психушке. А здесь я под его присмотром.

Я молчу и пересыпаю песок из ладони на бетонную плиту, на которой мы сидим.

- Нас делают такими пустыми! Я ненавижу себя. С кем я проснусь завтра? – Джесс надевает на меня наушники.

- Откуда у тебя плеер?

- Мать передала. Это уже третий. Наркоманы всё тащат, поэтому я сдаю его сестре на ночь. От музыки мне лучше.

- Я тоже люблю музыку.

- Идём! Начинаются занятия.

Клетка

Комната была чёткой квадратной формы. Здесь не было окон, и безжизненный свет из тусклых ламп, казалось, просто висел в воздухе. Нас было восемь человек. Девять с мужчиной в тёмно-серой полосатой рубашке, вязаном жилете и непривычно узкими штанами, уходящими в начищенные,

но не до блеска штиблеты. Это руководитель группы. Джесси сидит напротив меня и отрешённо играет с пластмассовой ручкой. Она красивая и немного растерянная. Она смотрит на меня. Я улыбаюсь ей. Она улыбается в ответ. Двое подростков слушают особенно внимательно, отчего похожи на мальчишек католического семинара, которых вот-вот должны отправить на заклание. У всех измученный вид. Парень, что сидит рядом, всё время оглядывается, будто ждёт, когда ему принесут счёт. Он меня нервирует. Нам раздали чистые блокноты и предложили провести зарядку для пальцев рук. В классе была девушка среднего роста с показательно выкрашенными волосами. Количеством перекиси альдегида, нанесённым на её волосы, можно было отравить всё живое в озере средних размеров на четыреста лет. С этой уложенной в пирамиду розовой прической, строгим печальным взглядом, ярко-красными губами она была похожа на надзирателя тюрьмы строгого режима. Главными её словами были те, что ты сказал ранее, с добавлением вопроса «что?».

- Мне 19 и я наркоман.
- Мне 21 и я наркоман.
- Мне 20 и я наркоманка.
- Мне 19 и я наркоман.

Реверсия

В компании (на вечеринке) Вы:

- а) остаетесь допоздна, не чувствуя усталости
- б) быстро утомляетесь и предпочитаете пораньше уйти

Никакого телевидения. Никакой рекламы. Длинные белые коридоры, решётки, гладкие столы, одноразовые стаканчики, блокноты и карандаши, капельницы. Расчерченный квадратами пол освещён первыми лучами солнца, и в воздухе пахнет свежей листвой. Я сижу на кровати и заполняю дневник.

- Ты не нашёл её? – спросила Джесс, присаживаясь ко мне. Я не слышал, как она вошла. Сегодня она одета во всё синее.

- Лору?

Она молча кивнула.

- Её дом был заброшен много лет назад.

- Её не было?

- Сейчас я думаю, что её никогда не было. Я не помню, что было даже месяц тому назад.

- Ты вспомнишь. Любовь нельзя забыть или потерять, как подарок на помолвку.

Я тихо перебираю листы в тетради. Сегодня она грустная.

- Что-то случилось? – спрашиваю, не выдерживая. Джесс смотрит на меня, и я вижу, как отражаюсь в её глазах, двумя серыми слайдами.
- Ты хочешь знать, что было на самом деле? Я знаю, как вспомнить.

В путь!

Я шёл за ней и видел, как развиваются её черные волосы, будто мы шли против южного прибрежного ветра. Мы повернули несколько раз и вошли в отделение, в котором разрешено находится только врачам. Джесс открыла круглым чёрным ключом обитую ватой дверь, повернулась ко мне и кивнула. Я вошёл. В большой белой комнате, где не было окон, стоял запах синтетики и работал вентилятор.

- Входите, - предложил мне доктор, указывая на мягкое кресло, которое было самым большим предметом в комнате. Джесс закрыла дверь и, положив ключ в карман, сползла на пол, вытянув ноги, как брошенная детьми тряпичная кукла.

- Тебе лучше? - спросил доктор, как и должны спрашивать все доктора. Я кивнул несколько раз.

- Сегодня у нас особый день. Если ты готов, мы можем начать.

Я кивнул ещё раз, и посмотрел на Джесс. Она сидела и, осматривая комнату, поправляла волосы.

Я закрыл глаза.

Я знал, что увижу.

Я всегда видел это, закрывая глаза и оставаясь хоть на минуту со своими мыслями.

Я видел Лору.

Крыша

Вы спросите, кто те молодые ублюдки, которые врубают Nina Hagen в четверть седьмого утра, те, кто забыли, когда спали и бесконечно могут выписывать круги по мансарде на старом велосипеде, с которого кусками отпадает проеденная ржавчиной синяя краска? Это Мы! Потерянные в огромном городе среди жёлтых такси и гудков телефона. У нас одна бутылка бурбона, промокшая пачка сигарет и самые добрые надежды. Под утренним дождём в светло-синих тонах буднего дня я, Снеговик и Лора. Лора смеётся и от этого кажется, что мы в цирке, где на арене Снеговик в мокрой куртке с капюшоном, которым можно накрыть пол-Европы, показывает мастерство управления детским велосипедом в алкогольном опьянении. Я наблюдаю за ними. Лора всё время поворачивается ко мне, протягивая бутылку, спрашивает, холодно ли мне. Я отвечаю, что нет. Я думаю, что это утро на

крыше мы забудем в первые же дни в колледже, ведь всегда, когда тебе весело, ты на шаг ближе к забвению только этого момента. Будущее для тебя не наступает. Оно ждёт за дверью, не решаясь войти, и мне так хочется держать Лору за руку и гладить её мокрые волосы. Мы закуриваем и смотрим вниз на синие проспекты, размеченные телефонными будками. Утро наступило, и дождь уже напоминает о себе мокрой пылью на волосах и кедах.

Мы не работаем уже шесть месяцев. Поэтому телефоны постоянно должны быть отключенными, чтобы не звонили те, кого мы ещё могли бы назвать друзьями, пока не одолжили кучу денег на день рождения сестренки ещё летом. Мы встречаемся здесь, на этой крыше, и смотрим вниз на синее молчание города. Когда здесь не ночуют бездомные, кажется, что мы одиноки в синем космосе чужого нам города.

Дети и чудовища. В двух частях.

Лора сидит и курит в окно. На той стороне улицы кто-то живёт. В редких окнах свет.

- Они живут и сейчас, говорят друг другу тёплые слова, - бормотала Лора, отрешенно глядя вдаль.
- Они желают друг другу «Спокойной ночи» и спят.
- Они мечтают о детях и читают прессу.
- Они молятся и ждут гостей.
- Они извиняются и больше никогда так не делают.

Мы нашли ещё немного денег, взяв их у близнецов. На самом деле, Кларисса и Майк не были близнецами, но когда они улыбались, казалось, что делают это одинаково. Мы познакомились на рейве и сейчас счастливы, потому что сказали, что нам срочно нужно справить помолвку, и мы пригласим их быть почётными гостями.

- Мы едем в романтическое путешествие – улыбаясь, обнимал я Лору, пока она потрошила целлофановый пакетик. Снеговик ржал в углу и, затаиваясь, кивал сам себе. Мы смеялись тоже.

Дети

Сквозь деревянные жалюзи на грязный пол ложатся лучи солнца. Сферическая пепельница. Бутылка в углу. Бог в телевизоре. В этом бристоле на окраине цветного города с картонными стенами у нас есть всё что нужно. Синие трубы умывальника и их узор из ржавчины на стене, паутина в вентиляции и старая резная вешалка в длинной прихожей, тусклые грязные стекла и мягкий рваный ковер с красным центром, на котором стоял наш столик. Первую неделю на нём всегда стояли цветы. Лора приносила их из

сада, который чудом возник за автопарковкой у подземки, и, казалось, символизировал собой весь постиндустриализм нашего времени. Кто наши соседи, мы не знали; мы выходили только раз в день за сигаретами, молоком и встретиться с кем-нибудь у оранжереи. Когда у тебя есть деньги, доктора приезжают к тебе сами, но чаще приходится ждать, нервно глядя на телефон часами. Через час ты будешь чувствовать, как воздух вокруг становится вязким, в твоих широких глазах будут отражаться все радуги мира, а утром тебя стошнит твоими внутренностями. Но это будет утром. Когда идёшь в рай, не обращаешь внимания на качество дороги.

Чудовища

Очень болят руки. Кажется, насекомые ползают под кожей, царапая крыльями изнутри. Вены горят, будто по ним изнутри течёт грязь из кусков стекла и железа. Кажется, что сейчас заснёшь, но это продолжается много дней подряд. Вокруг темно и пахнет гнилью. Пот прошибает насквозь. Колотит от холода. Чёрная, чёрная вечность. Всё время чешутся глаза. Когда закрываешь их, молишься, чтобы не открыть их снова. Невыносимая головная боль, словно стеклянный червь ползет по каждому сосуду под почерневшей корой мозга. Хочется встать, но ноги будто накачаны свинцом. Зажав мокрое одеяло в зубах, я кричу. Вкус крови. Чьи-то голоса.

- Видишь! У нас ничего нет! The Greatest Shit! – звучал в моей голове надрывающийся визг Лоры.

Я засыпаю под утро. Мне снится ад. Огромный стальной ангар с блестящими стенами и идеально ровными углами. Вверху, у потолка, молча сидят люди. На полу стоит несколько больших красных диванов. На одном из них сидит женщина. Она читает стихи и смотрит на меня, впившись взглядом, чётко и вдохновлено выговаривая каждое слово, которое отголоском звучит в моей голове. Потом в тишине она захлопывает книгу и замирает. Её детское лицо похоже на лицо подростка, влюбленного первый раз в жизни. Я пытаюсь закричать. Сердце, как кусок свежей говядины, вываливается из моей груди и, расчертив пол царапинами осколков, превращается в стекла. Женщина молчит, вместе со всем миром вокруг.

Бокс

Последние деньги из тех, что мы потратили за этот месяц, лежали в шкатулке, которую мама подарила Лоре на тринадцатилетие. Вручая шкатулку, мама произнесла: «Всегда храни свое счастье, данное тебе для разумных трат». Теперь здесь четыре стерильные иголки, пачка ваты, сложенный в целлофан героин и наши последние двести долларов. Эти

деньги мы отложили на первые дни после избавления от наркотиков. Не правда ли, судьба иногда выворачивает всё наизнанку, но всегда лицом к себе? Деньги, которые мама Лоры откладывала ей на колледж, уже давно превратились в дым и были перемешаны со стерильной водой. Всё это было теперь у нас в крови. Кровь, которая просила ещё и еще. Иногда кровотечения нельзя было остановить, даже шнуром от холодильника. Шкатулка стояла в углу за старым телевизором, который не работал ещё с прошлого века.

- Сегодня последний раз и всё, - гладил я Лору по волосам.
- По одной и расходимся, - иступлённо бормотал Снеговик, закутавшись в олимпийку.
- Мы с Лорой уедем к морю и станем семьёй, - слеза катилась по моей щеке. Лору трясло. Я поставил позеленевшую стеклянную банку с водой рядом с её матрасом. Пахло сыростью и первыми осенними днями.
- Я схожу, - пересиливая себя, я начал вставать.
- Я с тобой, - вдруг прохрипела Лора, поднимаясь с грязной подушки.
- Нет, тебе конец! Скажи ей!
- Я сдохну здесь! – заорала она, вцепившись в мою руку тонкими, как иглы пальцами. Я вскрикнул.
- Ты не сможешь идти.

Но Лора уже ползла за одеждой. Вокруг валялись пустые бутылки и пачки из-под сигарет, грязные полотенца, одежда и зажигалки. Из кухни шёл ужасный смрад, мы не были там много недель. Прожжённые обои свисали со стен, как рваные куски старой пиратской карты. В чёрном балахоне и с растрёпанными волосами Лора была похожа на старуху, продающую красные яблоки смерти.

- Я подожду вас. Валите. По последней, – как зомби повторял Снеговик и, закрыв глаза, монотонно бился головой о кресло.

Падать

- Сука! Тварь! – заорал я. Ударив дверь, я вылетел на улицу. От меня в страхе отшатнулась проходящая мимо девушка и ещё долго наблюдала, как я мчался по пустой улице. Я не знал, куда мне бежать. Где? Милан? Нет! К Лидии? Нет! Он не дурак.

На четвертом этаже, тихо всхлипывая, на полу лежала Лора. Чёрная железная коробка стального цвета ухмылялась ей холодной звенящей пустотой. Я бежал, пока были силы, и пока слюна не стала настолько обжигающей, что невозможно было дышать. Я упал на колени, уткнувшись лицом в холодную стену какого-то переулка, и заскулил. Руки и колени были разодраны в кровь, которая, смешавшись с грязью, жгла каждую клетку, расползаясь от ран. Я

видел над собой квадратный кусок неба, провода и зажигающиеся лампы уютных теплых квартир.

Круг последний

- Чтоб он сдох, – мычал я, сидя в углу и наблюдая, как Лора готовит ложку. Электричества не было много дней. И мы были совершенно одни в темноте пустой квартиры, где когда-то была мебель и ходил Мартин. Мартин убежал или умер с голода – мы точно не знали.

- Все из-за тебя, сука!

- Не ори на меня, тварь!

- Это ты дала ему ключи!

- Пошел ты!

Я готов был снова ударить её, но не мог поднять руки. Руки Лоры дрожали, поэтому пламя зажигалки всё время гасло, и вода в ложке кипела медленно. Раствор в свете зажигалки был похож на перегоревшее подсолнечное масло.

- Всё без остатка, – прошипела Лора. И мне показалось, что это звучало, откуда-то из труб со стороны кухни. Я ничего не ответил.

Внутри все замерло, и только сердце переваривалось в мутной крови. Зубами я растерзал бумажный пакет, и запах стерильной пластмассы наполнил меня.

- Я так давно не видела Каролин, – плакала Лора.

Меня трясло. Казалось, руки были связаны с телом проволокой, которой перетягивают мясо на фабрике. В пепельнице дымилась кусками сигарета, и это был единственный свет, кроме луны, который был в нашем храме.

- Сначала я, - прошипела Лора в тишине.

Я перетягивал жгутом руки моей девушки. Сейчас будет лучше. Будет по-другому. Будет забвение и тишина. Будет легко. Будет снова, как тогда. В этой пустой и серой квадратной коробке комнаты при лунном свете мы вместе, и Лора снова возьмёт меня за руку, и мы ляжем на пыльный пол. Одни во всей вселенной. Я всегда считал до десяти. Всегда смотрел на неё. Всё становилось невесомым, и я не мог попасть в вену. Лоре страшно. Я чувствую это. Лора была уже совсем не такой, как в тот летний вечер, когда мы шли, взявшись за руки навстречу молодым мамашам и важным мажористым скрягам из проектного центра.

При свете проезжающих машин казалось, что Лора вся покрыта цветными полосками, но сейчас в темноте её волосы были пепельные, а синяки под глазами делали её будто проснувшейся после комы старухой.

Но синяки пройдут, и мы станем счастливыми родителями. У нас будет дом. Словно услышав мои мысли, она посмотрела на меня. Уже не та Лора улыбалась мне всё той же улыбкой.

Девять.

Восемь.

Семь.

Утро нового дня

Всё было так, будто смотришь на мир со дна бассейна. Я тащил Лору к выходу. С тяжёлым звенящим хлопком со стола упала пустая бутылка, рассеяв блестящим веером тысячи изумрудов вокруг её бездыханного тела. Стук моего сердца давил на виски. По площадке, как мазок кисти, простирался чёрный след от крови Лоры. Я слышал, как подъезжала скорая, но я уже дотащил тело до второго этажа, когда врачи разжали мне руки. Ещё несколько минут в мутном сгустке света я видел то её локон нежных светлых волос, то маленький фонарик, которым мне светили в глаза, когда я пытался дотянуться до её руки. Лора лежала уже неподвижно, и что-то жёлтое струйкой стекало по её синим губам.

Потом наступила тишина.

Это была та самая тишина, которую ощущаешь, только когда она кончается, и ты просыпаешься. Я заорал, забившись в угол и чувствуя, как кипит что-то под моей кожей. Меня кто-то держал, но я чувствовал, что сейчас дотянусь до неё, и мы проснемся.

Заключение по вскрытию, № 1672

Непосредственной причиной смерти является остановка дыхания за счёт перевозбуждения и последующего «ступора» дыхательного центра головного мозга. Обширный отёк легких. Никто не знает, как её звали. Она просила нас называть её Лора.

На краю времени

Вы человек скорее:

- а) реалистичный, чем склонный теоретизировать
- б) склонный теоретизировать, чем реалистичный

Сегодня с нами занимался психолог. Хотя это трудно назвать «занимался». Мы представляли машину времени, и каждый рассказывал, что бы сделал, если бы у него был шанс вернуться назад во времени. После обеда мы с Джесс сидели на скамейке за огромным белым корпусом больницы и, глядя на ровную зелёную траву, обсуждали это. Первое, что бы я сделал, оказавшись лет на шесть в будущем, скупил бы все диски с самыми кассовыми фильмами, набрал колы, попкорна и устроился бы в экран недели на три. Мне неинтересно, что будет происходить вокруг. О том, что происходило на планете, всё можно понять в кино. Для этого не нужны учебники истории.

Если бы у меня была машина времени, я бы проводил Лору домой. Она сидела на мне утром на пляже. Песок был влажный и холодный. Меня слегка колотило.

- Знаешь, что будет, когда солнце прожжёт озоновый слой и все люди начнут сгорать заживо?

Лора смотрела на меня сверху в низ, и я дышал её волосами.

- Что? – почти шепотом спросил я.

- Ты и я. Мы наденем чёрные очки и отправимся искать друг друга. И обязательно найдём. Она бросает сигарету, тянется ко мне и с улыбкой выпускает воздушную струю дыма мне в губы, ожидавшие поцелуя. Я улыбаюсь. И тогда, и сейчас.

- Убейте меня, таблетки! – радостно закричала Лора, катаясь по песку, протягивая к небу кеды, стараясь носками задеть яркое солнце.

Молитва

Вы более подвержены влиянию:

а) принципов, законов

б) эмоций, чувств

«Мне кажется, мир угасает, а жизнь застыла. Можно только торчать в зрительном зале и придумывать себе поводы выйти, для того, чтобы пополнив запасы попкорна, вернуться туда снова. Невесомость того, что мы достигаем за жалкие сто лет, отмеренные нам, не сравнить с болью расставания с беззаботным детством, дикой юностью и пониманием бренности старости. Нам нечего больше желать, и остается с сожалением выбирать меньшее из двух зол – обустроить себе тёплую нору для комфортного дожигания своего срока эксплуатации», – в моей голове, кто-то говорил за меня. Люди говорят фразами, придуманными за них, чтобы они не обременяли себя мыслями. Они выстроили стену из причин, чтобы ни к чему не привязываться.

Мы сидим с Лорой под ночным небом на берегу из камней и слушаем прибой.

- Но ведь это всё, в чём мы сейчас живём, и, более того, - я счастлива в этом! Я знаю, – она повернулась ко мне и, снова уставившись на меня, с вызовом заявила, - тебе надо просто полюбить всё это. Я знаю как! – она вскочила и отряхнула колени, потом, посмотрев в сторону города, оскалилась на меня с улыбкой, - Мы будем молиться!

Мы нашли частично сухую картонку и встали на колени, сложив руки, как делают это в кино упитанные католические святоши, перед тем как бутафорский монстр из ада откусывает им голову. В отдалённом шуме

города и музыки, освещаемые огнями никогда не спавшего аэропорта, мы истово воздавали хвалу небу.

«Господи, храни сети Майкрософт и Магию Дэвида Блэйна, Май Спэйс, Рэйвы и пособие по безработице, - повторяем мы по очереди. - Спасибо, что дал нам эйфоретики, проповеди в субботу и Телевидение!»

Мы смеемся, целуемся и катаемся по острым камням. Мы святые грешники в этом выбранном нами мире.

Дорогой дневник

Вам интересны:

- а) события, что происходят в действительности
- б) те, которые могут произойти

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИК № 127.

Этот мой голос всегда был твоим и всегда звучал в тебе: «Я чётко усвоил для себя, что проведу свою жизнь в реальности, не употребляя наркотики и не убегая от себя». Эти слова я повторял всё утро, гуляя по бирюзовым кафельным квадратам коридора клиники. Сегодня мой последний день. Завтра для меня наступит новое утро. Доктор сказал, что я проснусь другим человеком. Тем, кем был когда-то. Мне кажется, доктор все время работает. Больше всего я бы хотел проснуться в городе из картонных стен и снова смотреть, как в лучах света танцует Лора. Она бежит по набережной и тащит меня за рукав. Ветер развеивает наши волосы, и мы смеемся.

А перед этим прийти в палату к Джесс. И сказать, что ей не надо лечиться и что если она захочет, мы можем убежать отсюда вместе. Каждый вечер, провожая солнце, мы будем рассказывать друг другу истории, сидя на крыше старой машины. Лора бы ей очень понравилась.

Утром Джесс сплела мне на удачу обруч из синих цветов, названия которых я не знал. Они росли в достатке по зелёным и ровным кустам вдоль забора клиники. Мне передали его, когда я уже собирался надеть стерильную одежду. Меня попросили воздержаться от пищи за 20 часов до операции, поэтому запах от цветов дурманил сильнее.

Больше ничего нет, и не будет. Последнее, что я увижу, это свет от трёх гудящих ламп нависшего надо мной светильника и голос: «Скажи, сколько тебе лет?»

Вязкие синие пятна.

Только вязкие синие пятна.

И тишина.

«Мы все заходим в эти грязные пятиэтажки спальных районов, мечтая закрыть за собой дверь и оказаться в тёплом вакууме счастья. Мы загоняем наши мечты на лестничные клетки, где мы привыкли считать ступеньки, выцарапывать стихи, желая превратиться в снег. Нужно быть безумцем, чтобы не создать себе другую реальность. – звучит у меня в голове голос Джесс. - Реальность, в которой ты беспечно прожигаешь жизнь в машине, несущейся по пустыне на бешеной скорости».

Главное

Мы молча стояли у решётки по бокам большого чистого окна. Впереди – длинный сад и дорога к воротам. Джесс смотрела вдаль. У неё были чистые, как кристаллы, чёрные глаза. Через минуты она проводит меня до последней решётки, и я попадаю в реальный мир.

Могу ли я сейчас сказать, что привязался к ней за эти полгода?

- Я могу привезти тебе новые книги.
- Здесь каждый день как книга, - улыбается Мёртвая Невеста.
- Я очень рад, что мы познакомились и подружились.
- Я тоже. Но этот последний диалог мне кажется немного скучным, - она закатила глаза, – за простыми словами нельзя забывать главного.

Главное. Так много главного. Слишком много главного, чтобы не заметить одно. Главное - не опоздать на работу, главное - не забыть зарядить телефон, главное - успеть купить билет... И самое главное – помнить, как сильно тебя любит кто-то, кого нет рядом. Главное - научиться знать, что это главное, пока оно не стало воспоминанием о том, что когда-то оно действительно было главным.

- То, что я теперь могу выйти отсюда и снова жить – тоже главное? – спросил я, ожидая подтверждения.
- Нет! – улыбнулась она, - Главное - не поскользнуться на мокрой траве и не сломать ногу, а потом умереть от потери крови при открытом переломе. Люди чаще склонны делать вид, что думают о главном – поэтому и придумали транслировать статусы. Она поцеловала меня в нос.

- Главное, будь влюблен!– она посмотрела на меня как в нашу первую встречу,

- Ах, да! – её рука легла на мою, - Сегодня - 25 мая. Если посчитать – твоё 114 февраля.

Мы стоим вдвоём у решётки, которая отделяет нас от солнца. За окном снова весна.

Кома

Я засыпаю.

Мне снится Лора.

Она плавает в бассейне на крыше небоскрёба в лучах восходящего солнца. Свет не типичный для этого случая — не ярко-красный, а уже ядовито белый, как в знойный летний день. На ней – белоснежное платье невесты, расплывающееся по голубой глади воды и создающее неповторимую ауру чистоты и свежести вокруг её божественного тела. Она смеется, но совсем другим смехом, не тем, который вы слышите, когда в кино кто-нибудь рассказывает анекдот или падает в ведро с белилами.

Нет.

Это – другой, совершенно детский и искренний смех.

Смех радости от того, что в это утро прохладная вода бассейна капельками стекает по её носу и ресницам. Она зовет меня к себе и уплывает куда-то вверх. Вокруг так тихо, что, кажется, всплески воды - это всё, что Бог смог сотворить за семь дней. Я вижу её - она прекрасна и немного нелепа, когда корчит гримасы удивления над самой собой, при этом не переставая улыбаться.

Она уплывает от меня всё дальше, но её тепло и звонкий смех – во мне и не отпускает ни на секунду. Как крылья бабочки, посыпанные серебристой пылью, её белоснежное платье развевается, так что кажется, она парит над водой, толкающей её вверх, превозносящей к небу. Над Лорой проплывают облака. Она уходит в свет полуденного солнца, как мотылёк на испепеляющий огонь: без страха забвения, с жаждой нового открытия, которое изменит мир навсегда.

Она улыбается мне.

И, до того как раствориться, видит, как я улыбаюсь в ответ.

dedicated N. Twister who never read this book

Andrey YANKIN, 24/09/2001